

Хотя Вэнь Сюэчао в обычные дни не отличался серьезностью, в его прошлом, возможно, скрывалось множество неизвестных историй.

— В детстве я думал, что те, кто хорошо ко мне относится, — хорошие люди, а те, кто плохо, — плохие, — Вэнь Сюэчао потрогал кончик носа и мрачно произнес. — Позже я понял, что это не так. В детстве я считал четвертую жену в нашем доме хорошей, потому что она часто готовила мне вкусности. Потом я узнал, что она часто наказывала слуг, отличалась жестокостью, а готовила мне только для того, чтобы угодить отцу. Еще я думал, что нищие на улице — плохие, потому что один из них, почти голый, плюнул в меня, и я испугался до слез. Позже Вэнь Лань объяснил мне, что моя карета раздавила булочку, которую нищий хотел отнести своему ребенку. Император и тетя всегда хорошо ко мне относились, во всем потакали мне, но, если вдуматься, все, что произошло в последнее время, не принесло мне ничего хорошего.

— Теперь я понимаю, что в этом мире те, кто хорошо ко мне относится, и те, кто плохо, — никто из них не был искренен со мной, — с горькой улыбкой сказал Вэнь Сюэчао.

Чжао Фэнцы, увидев задумчивое выражение лица Вэнь Сюэчао, внезапно вспомнил о некоторых следах, которые он недавно обнаружил в столице. В тот день, вернувшись из резиденции Вэнь, Чжао Фэнцы долго размышлял над словами Вэнь Сюэчао, которые казались странными, словно тот намекал на что-то. Он сразу же отправил тайных стражей из резиденции Чжэньбэй за пределы дворца, чтобы те расследовали действия Вэнь Сюэчао в тот день. Посланцы доложили, что паланкин Вэнь Сюэчао скрылся из виду после выезда из дворца, но возле ямы для брошенных трупов были замечены следы карет из резиденции Вэнь.

Яма для брошенных трупов часто связана с теми, кто умер насильственной смертью, и Чжао Фэнцы приказал стражам продолжить расследование. Однако постепенно все следы оказались уничтожены, и, чтобы не спугнуть возможных врагов, Чжао Фэнцы отозвал своих людей.

Позже Вэнь Сюэчао получил рану от острого оружия, но солгал, что упал. В этом огромном дворце, где Вэнь Сюэчао, высокомерный и дерзкий, занимал положение даже выше, чем некоторые нелюбимые императорские принцы, кто осмелился бы его ранить?

Чжао Фэнцы почувствовал легкое беспокойство. Кто-то мощный тайно управлял этим миром, и они с Вэнь Сюэчао были всего лишь пешками в его игре.

Но он знал, что Вэнь Сюэчао не был человеком, который позволил бы собой манипулировать. Если Вэнь Сюэчао мог скрывать свои истинные намерения в этом бурлящем императорском городе, ожидая подходящего момента, то почему он, Чжао Фэнцы, должен спешить?

— Я понял.

Вэнь Сюэчао только начал приходить в себя после осознания правды и изо всех сил пытался придумать, как продолжить утешать пятого принца, как вдруг увидел, что тот уже выглядит просветленным.

Неужели его утешение подействовало? Но он еще даже не произнес заготовленных слов!

Чжао Фэнцы, держа в руках вещь, оставшуюся от Чжаои Цзинъян, спрятал ее в своей одежде и тихо сказал:

— Сегодня, если бы ты не поддержал меня, я, вероятно, потерял бы рассудок и совершил бы нечто непоправимое. Теперь я все понял, и надеюсь, что ты сохранишь это в тайне.

— ...Хорошо.

Он так и не понял, к какому выводу пришел пятый принц.

Вдалеке взметнулся белый фейерверк, нарушив тишину. Вэнь Сюэчао с любопытством посмотрел вдаль:

— Оказывается, смотреть на фейерверки с такой высоты совсем не то же самое, что смотреть на них с земли.

— Ночной вид столицы Гуанъян очень красив. Если хочешь, я могу отвести тебя в одно место,
— сказал Чжао Фэнцы.

Вэнь Сюэчао посчитал это хорошей идеей, но едва кивнул, как Чжао Фэнцы снова подхватил его, как цыпленка, и, обняв, поднялся в воздух. Вэнь Сюэчао хотел было вскрикнуть, но, встретив предупреждающий взгляд Чжао Фэнцы, сам закрыл рот.

«Пятый принц, наверное, никогда не держал на руках женщину, потому что его движения были такими неуклюжими».

Хотя Чжао Фэнцы крепко держал Вэнь Сюэчао, он выглядел так, будто нес мешок с мусором. Вэнь Сюэчао то задыхался от тесноты, то раскачивался в разные стороны. Пролетев, словно по ухабистой горной дороге, он наконец смог перевести дыхание, когда Чжао Фэнцы поставил его на землю.

Почему-то, когда Вэнь Сюэчао свернулся у него в объятиях, Чжао Фэнцы почувствовал, что его сердце бьется сильнее обычного. Аромат растений на одежде Вэнь Сюэчао смешивался с едва уловимым запахом крови, вызывая у Чжао Фэнцы беспокойство. Его лицо слегка покраснело, и, опустив Вэнь Сюэчао на землю, он отвернулся.

Они оказались на крыше колокольни в западной части дворца. Колокольня высотой более тридцати чжан позволяла увидеть всю столицу Гуанъян.

Чжао Фэнцы вспомнил, что Вэнь Сюэчао получил травму, упав с дерева, и тихо спросил:

— Как твои раны?

Вэнь Сюэчао, переведя дыхание, увидел, что Чжао Фэнцы смотрит на него, и махнул рукой:

— Всего несколько царапин, завтра заживут.

Чжао Фэнцы, убедившись, что с Вэнь Сюэчао все в порядке, жестом пригласил его следовать за собой. Вэнь Сюэчао, став смелее, осторожно ступил на прямой гребень крыши и пошел за Чжао Фэнцы.

Чжао Фэнцы, заметив, что Вэнь Сюэчао все еще нервничает, сказал:

— Если боишься, можешь держаться за мой пояс.

Вэнь Сюэчао тут же ухватился за пояс Чжао Фэнцы и продолжил идти следом.

Вскоре они подошли к деревянной платформе, установленной на колокольне. Эта платформа была построена во времена императора Цзиньяня как наблюдательный пункт, но давно заброшена.

Чжао Фэнцы поднялся на платформу вместе с Вэнь Сюэчао, и они встали рядом на самой высокой точке столицы Гуанъян, откуда открывался вид на весь город.

Вэнь Сюэчао восхищенно ахнул. Оказывается, в каждом доме уже зажглись огни, и весь город был освещен, яркие огни протянулись вдаль, создавая бескрайнюю панораму.

— Когда я был на заставе Яньдан, я часто стоял на страже у границы. Города варваров ху за границей тоже были освещены. Иногда я думал, зачем воевать и убивать, зачем расширять границы? Иногда это просто нарушает покой и разрушает мирную жизнь людей.

— Дедушка часто говорил, что у меня нет амбиций, что мужчины из Чжэньбэй должны становиться сильнее в бою и не возвращаться, пока не победят варваров ху. Но все, чего я хочу в жизни, — это сохранить мир, — сказал Чжао Фэнцы.

— Мои мысли схожи с твоими, — сказал Вэнь Сюэчао. — Если варвары ху не трогают нас, мы не трогаем их. Но если они нападут на Великую Фу и разрушат наши земли, то война будет единственным выходом.

Голос собеседника слегка дрожал, и Чжао Фэнцы повернулся к нему. В глазах Вэнь Сюэчао отражались огни города.

Чжаои Цзинъян родила девятого сына императора в двадцать седьмом году эпохи Юнпин, но умерла из-за сложных родов. Император Цзинъян, помня о ее доброте и заслугах, посмертно присвоил ей титул первой степени «Благородная супруга» и приказал похоронить ее в императорской гробнице.

Перед смертью Чжаои Цзинъян выразила желание, чтобы ее младший сын был усыновлен Благородной госпожой Юэ, которая была ее подругой во дворце. Отец Благородной госпожи Юэ был заместителем генерала Цзинъян, и она вела скромный образ жизни. Император Цзинъян хотел, чтобы его младший сын воспитывался императрицей, но, увидев мольбы Чжаои Цзинъян, сжалился и согласился. Чтобы обеспечить достойные условия для девятого принца, император вскоре повысил Благородную госпожу Юэ до статуса супруги, а также увеличил ее дворцовое содержание.

Император Цзинъян взял дочь генерала Цзинъян в жены, чтобы держать ее в заложниках и предотвратить возможное восстание армии Чжэньбэй. Кроме того, он слышал, что дочь генерала отличалась простотой и естественной красотой, что сильно отличало ее от изысканных красавиц дворца. Чжаои Цзинъян, когда только поступила во дворец, пользовалась большой любовью императора и уже через год родила пятого сына. Однако после этого она стала вести уединенный образ жизни, скрыв свою прежнюю жизнерадостность. Императору это наскучило, и под давлением императрицы он перестал часто посещать дворец Жэньмин.

Но так как генерал Цзинъян одерживал победу за победой, в народе все громче звучали призывы наградить армию Чжэньбэй. Генерал Цзинъян несколько раз подавал прошения о расширении армии, но император, опасаясь его усиления, оставлял эти просьбы без ответа, лишь повышая статус Чжаои Цзинъян, которая к моменту своей смерти достигла высшего ранга среди девяти наложниц, что символизировало императорскую милость.

После смерти Чжаои Цзинъян двор отправил официальное уведомление в резиденцию генерала Чжэньбэй. Через две недели во дворец прибыл гонец с ответом, в котором генерал Цзинъян просил разрешения приехать в столицу, чтобы попрощаться с дочерью.

Отец, оплакивающий дочь, — это естественно, особенно если это отец, хоронящий свою дочь.

Однако министры в зале для аудиенций разгорелись жаркими спорами по этому поводу.

<http://bllate.org/book/16846/1550047>